

Пассек Татьяна Петровна

**Из дальних лет.
Воспоминания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Т23

Т23 **Татьяна Петровна П.**
Из дальних лет. Воспоминания / Пассек Татьяна Петровна – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 464 с.

ISBN 978-5-521-27330-0

ISBN 978-5-521-27330-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Т. Пассек.

И. Я. СВИСТУНОВ

**ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА ПАССЕК, ЕЕ ЭПОХА
И ЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ**

Воспоминания Т. П. Пассек посвящены главным образом тридцатым и сороковым годам прошлого столетия.

Общественные явления, действия и поступки отдельных лиц рассматриваются и расцениваются Пассек сквозь призму, присущую ей не только индивидуально, но и как представительнице определенного социального слоя. Это делает необходимым предпослать ее воспоминаниям краткий очерк затрагиваемого в них периода.

Начало XIX века, служащее в воспоминаниях Пассек исходным пунктом, совпадает с началом развития в России промышленного капитализма. Правда, первая четверть столетия дала лишь слабые ростки его, но уже в тридцатых и сороковых годах он развился настолько, что у одних возбудил надежду, у других тревогу, и вместе с тем заставил считаться с собой русское самодержавие.

Введенные в угоду промышленной буржуазии в 1822 году высокие пошлины на заграничные товары избавили текстильную промышленность от иностранной и, главным образом, английской конкуренции, и с тех пор она стала подниматься, как на дрожжах. Чтобы убедиться в этом достаточно сравнить всего только две цифры. В середине двадцатых годов русские текстильные фабрики получали из-за границы в среднем в год по семьдесят четыре тысячи пудов хлопка, а в конце сороковых годов ввоз его достиг одного миллиона двухсот пятидесяти тысяч пудов.

Росло количество фабрик, росло количество машин, росло количество рабочих. Быстрый рост промышленности, требовавшей свободных рабочих рук, не оставлял никакого сомнения в близком крушении крепостного хозяйства.

Тридцатые годы насквозь проникнуты жалобами владельцев посессионных фабрик на невыгодность крепостного труда. Когда в 1840 году под влиянием этих жалоб был издан закон, допускавший освобождение посессионных рабочих, большая часть их владельцев воспользовалась этим законом и перешла к вольнонаемному труду. Это было первым шагом на том пути, который властно прокладывал себе промышленный капитализм.

Нужда в вольнонаемном труде испытывалась фабрикантами и заводчиками из года в год все острее, и это делало их ревностными сторонниками отмены крепостного права.

Встречная тенденция, правда, не широкой рекой, а отдельными ручьями, пробивалась из среды тех помещичьих хозяйств, которые в это время стали перерождаться в буржуазно-капиталистические предприятия.

Вполне ясно определившееся к тому времени развитие хлебного вывоза заставило передовые помещичьи хозяйства перестраиваться, увеличивать товарную часть своего урожая и, как следствие этого, вводить новую сельскохозяйственную технику и новые улучшенные методы хозяйствования. В связи с этим началась постепенная замена барщинного труда, как менее производительного, оброчным, и постепенный, в различных вариантах, переход к вольнонаемному труду. Публицистика тридцатых и сороковых годов много произвела подсчетов и выкладок о преимуществе вольнонаемного труда перед крепостным. Идя с разных сторон, отражая собой с одной стороны развитие денежного хозяй-

ства и развитие промышленного капитализма, с другой, эти требования отмены крепостного права до-нельзя смущали правящий класс — крупное дворянство. Хотя трещины, получившиеся в крепостном хозяйстве, стали уже видны невооруженным глазом, и необходимость потесниться и посадить рядышком с собой буржуазию для правящего класса стала очевидной, тем не менее добровольно идти на это, т. е. добровольно поделиться до сих пор монопольным правом на власть и добровольно отказаться от дарового крестьянского труда — дворянство не хотело.

Один из наблюдательных людей этого периода, П. В. Анненков, дал чрезвычайно меткую характеристику господствовавшего тогда у правящего класса настроения... «Это было время, — говорит он, — когда все уже предвидели неизбежную гибель крепостничества и все с отчаянием держались за него».

Откуда же это отчаяние?

Помимо политических причин, т. е. нежелания делиться с кем-либо своей властью, дворянство, и в особенности высшие слои его, имело более глубокое основание стоять на страже крепостничества и самодержавия. Аграрный кризис первой четверти столетия, вызванный падением хлебных цен, принудил дворянство, в поисках денег, обратиться за помощью к престолу. В результате, еще в начале тридцатых годов большая часть дворянских земель с крестьянами была заложена в государственном банке и других кредитных учреждениях. Вот эта-то задолженность правящего класса и шаткое, неустойчивое положение его хозяйства делали из него ярого охранителя крепостничества и самодержавия.

Это же заставляло правящий класс резко отрицательно относиться к тем реформам, к тем нововведениям, которых настойчиво добивалась уже созная своя сила: буржуазия.

Отсюда — тщетное стремление сдержать, замедлить развитие просвещения, литературы и науки, отсюда — апология самодержавия, безусловная и безоговорочная поддержка николаевского полицейского режима, солдатчины, жандармского сыска, наглой, глупо-юродивой и свирепой цензуры; отсюда — преклонение перед бюрократизмом, личностью Николая, государевой, службой, православием, стариной, домостроевскими традициями и дворянской культурой. Отсюда же и напряжение всех сил на охрану существовавшего порядка. Вся деятельность Николая и его министров проникнута именно этой целевой установкой. Созываемые им секретные комитеты по крестьянским делам, издание закона 1832 года о почетных гражданах, издание закона о городском самоуправлении в Петербурге и все прочие его мероприятия в конечном счете стремились не к реформам, не к движению вперед, а к созданию подпорок для начавшего разваливаться и сползать с подгнившего фундамента крепостнического государства.

Более активными, более решительными и более откровенными орудиями правящего класса были специально созданные для борьбы с вольнодумцами третье отделение собственной его величества канцелярии и корпус жандармов с их шефами Бенкендорфом и Дубельтом. Такую же откровенно-охранительную роль играло министерство народного просвещения, прямой задачей которого было глушение малейшего проявления гласности и противодействие действительному народному просвещению. Имена сменивших друг друга николаевских министров народного затемнения Шишкова, Уварова и Ширинского-Шихматова вошли в историю и останутся в ней навсегда памятником изуверства и глумления над культурой и наукой.

В литературе наиболее яркими выразителями охранительной политики были Булгарин и Греч, издававшие совместно реакционную газету «Северная пчела», пользовавшуюся за свой казенный, квасной патриотизм и доносы на либеральствовавших дворян всемерной поддержкой Николая и его министров. К этой парочке патентованных доносчиков примыкал, получивший известность в литературе под именем барона Брамбеуса, издатель журнала «Библиотека для чтения» — Сенковский. Не меньшей поддержкой правительства и правящего класса пользовался легко менявший (в зависимости от степени выгоды) свои литературные и политические убеждения, находившийся в профессорском звании, покаившийся вольнодумец, восторженный поклонник всех вешателей и разгрома польского восстания, доносчик литературный и просто доносчик — издатель «Телескопа», а затем редактор «Журнала министерства народного просвещения» — П. И. Надеждин.

Наибольшее влияние в журналистике тридцатых-сороковых годов из этой четверки имели Булгарин и Греч, осуществлявшие в литературе роль представителей третьего отделения.

Булгарин, имевший непосредственную связь с третьим отделением и получавший оттуда заказы на статьи, о результатах своих «публицистических» разысканий посылал официальные донесения тайной полиции.

Греч помогал Булгарину, Сенковский подражал. Надеждин, выступая против Пушкина в «Вестнике Европы» под защитным именем Никодима Недоумко и заявляя, что ни в «Полтаве», ни в «Евгении Онегине» — «нет идей, нет лиц», что «все вяло, бледно, натянуто», ставил на первое место в качестве литературных образцов полные квасного патриотизма романы Загоскина.

Охранительная политика, проводимая в области критики и публицистики болгаринской плеядой, в художественной литературе наиболее ярко отразилась у упомянутого уже Загоскина, затем у Лажечникова и Кукольника.

Ходульные романы Лажечникова и Загоскина, бесцеремонно извращавшие настоящее и прошлое, деланные, напыщенные пьесы Кукольника были милы дворянскому сердцу своей пропагандой преданности российскому престолу, своим сусальным патриотизмом, своим преклонением перед феодально-крепостническим бытом.

Эта историческая разновидность публицистов, романистов и драматургов со всем своим окружением твердо стояла на защите «исконных устоев», т. е. крепостничества и самодержавия, и поддерживала их и за страх и за совесть.

Однако, все охранительные потуги оказались тщетными. Ни квакающий патриотизм Загоскина, ни ходульные драмы Кукольника, ни доносы Булгарина, ни зверская цензура, ни вышколенная Николаем бюрократия, ни жандармские застенки, ни возводимые правящим классом подпорки не могли сдержать напора промышленного капитала. Политика, политические изощрения, как и всегда это бывает, оказались бессильными перед экономикой. Пушкин в 1833 году, позже него Герцен, а вслед за ними и другие наблюдательные люди отмечали, что Москва постепенно теряет свой дворянский вид и все более и более принимает буржуазный характер. «Москва, — писал Пушкин, — утративши свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенной силой». Это развитие промышленности захватило собой и часть дворянства, вложившего свои капиталы в мануфактуры